
А.С. Панов

**ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ
И ПЕРСПЕКТИВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ
В ВОСПРИЯТИИ АМЕРИКАНЦЕВ В 1820-х ГОДАХ**

Аннотация. В статье рассматривается проблема восприятия американцами восстания на Сенатской площади сквозь призму революционных движений в Европе и Латинской Америке первой половины 1820-х годов. Североамериканское общество внимательно наблюдало за разворачивающимися в мире событиями, пытаясь сравнить их со своим собственным революционным опытом. Автор приходит к выводу о том, что восстание декабристов воспринималось в США как составляющая мирового революционного тренда, требующего осмысления. Как и в отношении других стран, где происходили восстания или революции, России следовало пройти тест на готовность к модернизации.

Ключевые слова: движение декабристов, образы Другого, модернизация, ориентализм, национальный характер.

Панов Антон Сергеевич – аспирант,
ассистент кафедры зарубежного регионоведения
и внешней политики, Российский государственный
гуманитарный университет (РГГУ), Москва.
E-mail: pushpanrocks@gmail.com

**A.S. Panov. The Decembrists and the Americans' Perception of Russia's
Modernization Prospects in the Context of the 1820s Revolutionary Wave**

Abstract. The article considers the problem of the Americans' perception of the Decembrist revolt in Russia on December 14, 1825 through the prism of the revolutionary movements in Europe and Latin America of that period. The North American society was closely observing the unfolding events in the world, trying to compare them with their own revolutionary experience. In this context the Decembrist revolt in Russia is perceived in the USA as a part of the worldwide revolutionary trend, requiring comprehension. Together with other countries where revolts or revolutions took place, Russia should be tested for its modernization abilities.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Keywords: the Decembrist revolt, images of the Other, modernization, orientalism, the national character.

**Panov Anton Sergeevich – postgraduate student,
assistant lecturer at the Department of Area Studies
and Foreign Policy, Russian State University
for the Humanities (RGGU), Moscow.
E-mail: pushpanrocks@gmail.com**

Одной из ключевых проблем в изучении Русской революции 1917 г. до недавнего времени являлся поиск ее идеологических и духовных истоков. Для поколений советских людей была непреложной истиной сформулированная В.И. Лениным мысль о трех поколениях русских революционеров, первым из которых оказались декабристы. Дворянские офицеры, вышедшие 14 декабря 1825 г. на Сенатскую площадь, как известно, «разбудили» Герцена, который, в свою очередь, «развернул революционную агитацию» [9, с. 261]. Эта ленинская аксиома во многом стала причиной появления декабристского мифа в историографии и побудила отечественных историков к усиленному изучению убеждений лидеров декабристов, в том числе «американских корней» их проектов. Так, например, хорошо изучен вопрос о влиянии Конституции США и главных законов отдельных штатов на конституцию Н.М. Муравьева [1, с. 492–496; 4].

По другую сторону Атлантики изучение восстания декабристов в XX в. находилось под воздействием концепций, в которых выражалась различная степень уверенности в способности России к модернизации и демократизации. Поэтому знание о дворянских тайных обществах, возникших во второй половине царствования Александра I, также во многом мифологизировалось [24].

Недавние российские исследования начали «возвращать» декабристов в их историческую среду и в значительной степени избавили от идеологии [8]. В связи с этим представляется актуальным возратить восстание на Сенатской площади и в соответствующий ему по времени американский контекст.

В статье рассматриваются образы декабристов в репрезентациях современников-американцев. Изучение заокеанского взгляда на петербургские события декабря 1825 г. осуществляется на основе методологии социального конструктивизма (в частности, так называемого западного ориенталистского дискурса) [5; 12; 14]. В рамках заявленной методологии нас будет интересовать не соответствие образа реальности, а то, почему инациональные события воображались так, а не иначе. Поэтому восстание декабристов рассматривается не само по себе, а в американском социокультурном и политическом контексте, который и позволяет ответить на вопрос «почему».

Источниковая база представлена материалами американской прессы и реляциями посла США в России Генри Миддлтона. Газеты в «эру доброго согласия» не только были самым простым способом узнать о происходящем в стране и мире, но стали «основным полем борьбы общественных идей» [6, с. 19]. Мы ограничились выборку газет двумя главными изданиями той эпохи: во-первых, это «Нэшнл Интеллидженсер», выпускавшейся в Вашингтоне, имевшей полуофициальный статус и старавшейся сохранять нейтральный тон; во-вторых, «Найлз Уикли Реджистер», издававшейся в Балтиморе Иезуитом Найлсом, горячо поддерживавшим в первой половине 1820-х годов революционно-освободительные движения в Латинской Америке и Греции.

* * *

Первая революционная волна 1820-х годов (как это явление назвал Эрик Хобсбаум), прокатившаяся по странам Южной Европы и Латинской Америки [15, с. 158–159], оказала серьезное воздействие на формирование национальной идентичности Соединенных Штатов Америки. Наблюдая за происходящими событиями в разных уголках земного шара, представители молодой американской нации не только сравнивали зарубежный освободительный опыт со своим, но и убеждались в его уникальности.

Было бы логичным предположить, что американцы с симпатией относились к любой революции, однако это вовсе не так. После разочаровывающего опыта Французской революции образованные круги в США весьма осторожно восприняли новую волну протестных движений в 1820-х годах. На восприятие американцами революций влияло множество различных обстоятельств.

Так, например, в исследовании А.А. Исэрова об отношении США к борьбе Латинской Америки за независимость убедительно показано, что религиозный фактор оказывал реальное влияние на образ этого региона в репрезентациях американцев. Католицизм в глазах протестантской общественности становился религией подчинения и невежества, препятствуя успешной либерализации латиноамериканцев [6, с. 51–56].

В то же время борющиеся за независимость греки имели больше шансов достичь успеха благодаря наследию своей древней философии, высоко ценившейся в образованной среде США. Жители Пелопоннеса XIX в. виделись многим американцам наследниками великой культуры своих далеких предков из Древней Эллады, с которыми они в действительности имели мало общего. Общее воодушевление довольно ярко иллюстрирует письмо анонимного читателя, опубликованное в 1823 г. в «Юнайтед Стейтс Газетт», где тот приветствует желание греков повторить американский революционный опыт [56; 58].

Эти два примера – лишь отдельные воплощения теории о линейном прогрессе народов, уходящей корнями в эпоху Просвещения, в рамках которой формировались представления европейцев и американцев о мире. Согласно ей, все народы проходят один и тот же стадийный путь развития от варварства до истинного просвещения, что в синхроническом разрезе позволяет рассмотреть все страны мира на разных уровнях прогресса. Для суждения о степени цивилизованности народа вводилось умозрительное понятие «национального характера», выявлявшее соотношение между свободным правительством (и / или рыночной экономикой) и «качеством» жителей той или иной страны [57, р. 3]. Ключевыми факторами, оказывавшими влияние на национальный характер, были природные условия (климат, расположение государства и др.) и историко-культурный контекст (происхождение нации, религия, форма правления и др.).

В крайне популярном американском географическом атласе Вудбриджа, вышедшем в 1824 г. и издававшемся почти без изменений до 1866 г., государства разделены на несколько категорий: на дикие, варварские, полудивицилизованные, цивилизованные и просвещенные. Россия в этом своеобразном рейтинге народов занимает четвертую ступень – цивилизацию, которая в целом характеризуется хорошим знанием наук и искусств, а также равенством в положении мужчин и женщин. Но, как замечает составитель атласа, некоторые цивилизованные страны (например, Польша или Португалия) могут быть названы таковыми лишь с оговорками, поскольку большая часть их населения во многом сохраняет варварские обычаи. К таким государствам относится и Россия [59, р. 176], так как большая часть населения страны остается «вассалами или рабами» [59, р. 179] и, несмотря на определенный прогресс в деле распространения знания [59, р. 208], невежественна [59, р. 200].

Анализ степени развития стран и особенностей национальных характеров позволяет Вудбриджу ранжировать все государства в своеобразном рейтинге силы. Европейские страны, по его мнению, могут быть разделены на четыре класса. Россию, наряду с Великобританией, Францией, Австрией и Пруссией, он помещает в наиболее престижный первый класс (это великие державы в рамках Венской системы международных отношений), правда, предсказуемо с несколькими оговорками. По мнению автора атласа, Российская империя обязана этому положению только своими размерами, численностью населения и значительным политическим влиянием, хотя ее культурное и научное развитие оставляет желать лучшего [59, р. 259].

После Наполеоновских войн именно размеры и недостаточная цивилизованность Российской империи пугали американских современников. «В каком же состоянии оставлена Европа после всех этих событий (т.е. после Наполеоновских войн и Венского конгресса. – *А. П.*)? – вопрошал спикер

Палаты Представителей Генри Клей в 1818 г. – Она разделена на две великие силы: одна имеет неоспоримое превосходство на земле, а другая – на воде. Париж перемещен в Санкт-Петербург, а флотилии [стран] Европы находятся на дне моря или сконцентрированы в портах Англии. Россия – это огромное сухопутное животное – внушая благоговение ужасным видом своей необъятной силы всей континентальной Европе, ищет способ окружить Порту, и, представляя себя океанским кракеном, желает омыть свои огромные бока в более мягких водах Средиземного моря» [19, р. 157].

С началом революционных событий в Европе и Латинской Америке на рубеже 1810–1820-х годов отношение к России как к противнику либерализации еще более усилилось. Если Священный союз, именуемый на страницах «Найлз Уикли Реджистер» «печально известной хунтой» (*notorious junta*), представлялся многим американцам реакционным, но хотя бы цивилизованным образованием, то Россия во главе с Александром I начинает представлять той «извечной» силой, которая в принципе отрицает все новое и готова на завоевания и интервенции – лишь бы все осталось как прежде [21, р. 21–22].

Опасения относительно возможного появления вооруженных сил Священного союза в Южной Америке толкают в 1823 г. президента Дж. Монро и госсекретаря Дж.К. Адамса к формулировке «доктрины Монро», постулирующей принцип «Америки для американцев» и запрещающий европейским империям продолжать колонизационную политику в Америке. Восторженно принятая простыми гражданами США, она одержала окончательный успех скорее благодаря поддержке Великобритании [20, р. 193]. Как бы то ни было, отказ от планов Священного союза по отправке карательного корпуса в Южную Америку в потенциале мог привести к увеличению роли США в регионе и воодушевлял тех, кто мечтал о повторении американского революционного опыта где-нибудь еще [25, р. 175; 7]. Однако едва ли кто-либо осенью 1825 г. мог предположить, что к сонму наций, охваченным огнем восстания, может примкнуть и Россия.

* * *

Если государственная машина во многом замкнута на воле одного человека – в нашем случае российского императора – то его смерть так или иначе принесет изменения для всей жизни страны. После того, как 11 февраля 1826 г. американские газеты сообщили о смерти Александра I [28], в прессе стали появляться разного рода спекуляции о будущем России и взаимоотношениях между великими князьями Константином, считавшимся всеми наследником, и Николаем.

Константин Павлович, рассматривавшийся основным наследником усопшего императора, был characterized как обладатель «очень вспыльчи-

вого характера и жестокого нрава», обладающего большим авторитетом в армии [45; 29; 30; 31]. Йезекия Найлз в большой статье 11 февраля отзывался об Александре I и о Константине крайне негативно, называя первого холодным и расчетливым деспотом, а второго – высокомерным и жестоким любителем военной помпезности и парадов [47]. Перспективы грядущего царствования также отнюдь не радовали: по мнению автора статьи, новый император вполне может замахнуться на исполнение мечты своей бабки Екатерины и присоединить к России Грецию вместе с Константинополем, тем самым не только сделав империю еще более могущественной и угрожающей, но и обрубив на корню революционные устремления самих греков [45]. После известий о желании Константина отречься от престола в пользу своего брата внимание прессы естественным образом переключилось на Николая Павловича [46; 48; 35].

Первые упоминания в газетах о событиях на Сенатской площади датируются 16 и 18 марта, а причиной волнений названо нежелание солдат присягнуть на верность Николаю. Кроме того, указывается, что в восстании погибли примерно 200–300 человек, в том числе несколько генералов [34; 49].

В течение всей весны и лета на страницах газет появляются сообщения об арестах и проводимом расследовании, в ходе которого было выяснено существование разветвленной тайной организации офицеров [44; 36; 37], а также передаются слухи о тяжелом внутривластном положении императора [29]. Следующее упоминание прессы о декабристах относится к 6 апреля, когда газета «Нэшнл Интеллидженсер» сообщила, что уже ко 2 февраля «в российской столице было совершенно тихо», а император принимает самое деятельное участие в расследовании недавних событий в армии [34]. Кроме того, газета сообщает о четырех сотнях человек, приговоренных к смертной казни [42].

15 апреля в «Найлз Уикли Реджистер» указывается, что имел место широкомасштабный заговор, история которого уходит корнями в 1815 г. Целью заговора было убийство не просто императора Александра I, но и обоих его братьев. Руководителем заговора именуется Михаил Орлов, который якобы хотел стать главой новообразованной республики [там же].

Далее, 25 апреля в короткой заметке сообщалось, что Николай I продолжает заниматься последствиями «беспорядков», награждая отличившихся в их прекращении [27]. 4 мая – что аресты продолжают, как продолжается и расследование всех обстоятельств волнений. При этом указывалось на абсурдность планов заговорщиков [40]. В общей оценке их численности газеты разнились: «Найлз Уикли Реджистер» сообщала о 20 тыс. человек [50], в то время как «Нэшнл Интеллидженсер» – о 14 тыс., включая представителей самых знатных семейств. По мнению автора последней заметки, император

находится в сложном положении, так как «и помилование, и наказание могут быть в равной степени фатальны» [39].

20 июля некий капитан Дикинсон сообщил газете о том, что «судьба людей, принимавших участие в восстании при восшествии Николая [на престол], будет скоро предана огласке», причем «никто из них не будет казнен, но все они будут отправлены в ссылку в Сибирь на больший или меньший срок, согласно степени вины» [32].

Только 7 сентября тема воссоздания хода событий на Сенатской площади была окончательно закрыта, когда газета «Нэшнл Интеллидженсер» напечатала краткую версию «Донесения Следственной комиссии», официального доклада российских властей о произошедшем. «Донесение» попало за океан не без участия американского посла в России Генри Миддлтона, находившегося в Санкт-Петербурге в то время и описавшего события на Сенатской площади в письмах к государственному секретарю Генри Клею.

* * *

Миддлтон происходил из богатой плантаторской семьи Южной Каролины, владевшей более 700 рабами, что делало его одним из самых крупных рабовладельцев штата [2, примечания]. К моменту своего назначения послом в Россию Миддлтон был уже достаточно успешным политиком. Он занимал пост губернатора Южной Каролины (1810–1812), а затем был представителем от штата в Конгрессе (1815–1819), отстаивая вместе с Джоном Кэлхуном в составе партии джефферсоновских демократов права и свободы американского Юга.

В Санкт-Петербурге Миддлтон показал себя умным дипломатом, отстаивая интересы США на тихоокеанском побережье, а также выступая сторонником новых освободительных движений в Южной Америке и Греции. Аристократическое происхождение и хорошее образование делало его «своим» для петербургской дворянской элиты, что позволило ему завязать дружеские отношения с заведовавшим Комиссией составления законов М.М. Сперанским, министром финансов (до 1823 г.) Д.А. Гурьевым и министром иностранных дел К.В. Нессельроде.

В донесениях американского посла о восстании декабристов следует выделить несколько тематических блоков: причины, цели, итоги восстания и – самое интересное – его размышления насчет перспектив реформ в России.

По данным Миддлтона, молодое поколение русских дворян и офицеров недовольно своим пассивным положением в обществе, желает принимать более деятельное участие в управлении государством, а заговор готовился уже достаточно давно под видом собраний литературного общества, имевшего филиалы в разных частях страны [2]. Члены сообщества имели контакты

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

с зарубежными либералами, а князь С.П. Трубецкой [3, с. 336–346] даже «получил от Бенжамена Констана проект конституции, которую подразумевалось привести в жизнь при подходящем случае» [2; 13]. Поводом к выступлению стал затянувшийся кризис междуцарствия после смерти Александра I [10, с. 62].

Как сообщает американский посол 21 декабря 1825 г. (2 января 1826 г.), 14 декабря восставшие видели свою основную задачу в том, чтобы «представить на подпись Сенату план правления, устанавливающий регентство» [2]. В своем следующем послании Миддлтон подчеркивает, что «точные цели восстания до сих пор неясны, но кажется, это было что-то вроде попытки смены [формы] правительства» [там же]. Он употребляет при этом словосочетание «*institute of government*», которое, по замечанию М. Раева, использовалось в то время как эвфемизм для обозначения конституции [55, р. 289. Footnote].

Восстание, как известно, провалилось, и власти для расследования обстоятельств создали специальную Следственную комиссию («Следственный комитет») во главе с генералом А.И. Татищевым. В сообщении от 26 декабря Миддлтону о том, что комиссия «каждую ночь проводит в крепости, допрашивая очевидцев и рассылая по всей стране указы об арестах подозреваемых» [2]. Спустя месяц, 30 января (11 февраля) 1826 г. американский посол сообщает о беспрецедентном масштабе расследования: «Число людей, приговоренных к тому или иному наказанию (за исключением тех сотен, что пошли по этапу), по всей вероятности, могло достигнуть примерно четырех или пяти сотен» [2; 11, с. 394–395]. Эти данные, а также прилагавшийся к письму секретный правительственный отчет о допросах, судя по всему, могли быть получены им от одного из членов Секретного комитета, расследовавшего обстоятельства неудавшегося переворота, князя А.Н. Голицына, в чьем доме Миддлтон снимал апартаменты [2].

Кроме того, какую-то информацию он мог получать и от М.М. Сперанского. Как замечает П. Бушкович, «дипломат никогда не называл свои источники, но его дружба с семьей Сперанского указывает на один из них. Сперанский был вовлечен в расследование и с 1 июня стал членом Верховного уголовного суда над декабристами. Миддлтон также получал официальную информацию от Нессельроде, но неизвестно, говорил ли он с ним приватно. Донесения других послов содержали сведения об официальных встречах с царем, и некоторые переключки в сообщениях указывают на то, что Миддлтон беседовал и с ними» [там же].

* * *

Однако не вышеописанные сообщения американского посла представляют собой наибольший интерес, а его личные размышления на тему возможности

проведения реформ в России. Генри Миддлтон относился к числу пессимистов в отношении перспектив либерализации императорского режима. По его мнению, реформы давно уже назрели, однако существуют серьезные сомнения, что они немедленно улучшат состояние дел в стране, так как «в кругах, которым принадлежит реальная власть, царит дурманящее невежество, а проблеск разума так мал, что борьба за реформы может стать настоящим бедствием, избежать же его можно, только проявляя большую осторожность и не применяя никаких провокационных мер». Кроме того, по мнению американского посла, для подавляющей части населения страны сама жизнь – «это физическое выживание, а значит, он [народ] недостаточно зрел для утверждения или отстаивания своих неотъемлемых прав» [2].

Генри Миддлтон, как и маркиз де Кюстин 13 лет спустя [21, р. 22], увидел Россию в категориях «извечности» и «постоянности», отказывая даже декабристам в западной цивилизованности, замечая, что «безрассудство» вооруженных выступлений заговорщиков «может быть точно оценено только теми, кто хорошо знает склонности и чувства русских, а иначе можно воспринять это событие как действия преступников, сошедших с ума от своих амбиций» [2].

Политический режим России, по мнению американского посла, в принципе не может быть модернизирован и либерализован, потому что ее народ находится на таком уровне цивилизации и образованности, что отвергает саму мысль о какой-либо другой форме правления, кроме деспотического абсолютизма [там же].

Таким образом, как верно заметил американский исследователь М. Раев в комментариях к размышлениям Миддлттона, «автократия – единственная подходящая форма правления для России, а Россия – самая подходящая страна для тирании» [55, р. 288]. Американский посол настолько эссенциализирует эту формулу, что пытается осмыслить вообще всю структуру российского общества через нее, выстраивая трехчастную модель по принципу матрешки, где император безраздельно правит дворянством, имеющим столь же обширную власть над собственными крестьянами: «Я склоняюсь к мысли, что привычка к повиновению сидит так глубоко, что даже не требуется сильного руководства, чтобы держать всех в подчинении, тем более это уже стало второй натурой. Добавлю, кажется самым естественным, что настоящая знать склонится к союзу с самодержавием, чтобы использовать выгоду крепостничества» [2].

Исходя из этого, прочность всей государственной структуры будет зависеть не от того, когда и насколько либеральными будут реформы. Прочность структуры будет зависеть от того, насколько российская власть как «единственный европеец» (согласно афоризму А.С. Пушкина) окажется осторожна и аккуратна в реализации своих замыслов в стране, где любое покушение на

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

«извечные» порядки будет грозить крушением всей конструкции. Вот поэтому демарш декабристов, блестящих представителей молодого дворянства (того самого сословия, которое выступает медиатором между властью и народом), вызывает смятение дипломата, характеризующего их не «сумасшедшими преступниками», но беспечными мечтателями, ослепленными идеалами.

В этом отношении симпатии Миддлтона находятся целиком на стороне российских императоров, вынужденных искать разумные выходы из неразрешимой дилеммы тирании и либерализма. Так, он высоко оценивает попытки Александра I хотя бы частично облегчить состояние населения в стране: «Если бы было найдено реальное средство, с помощью которого можно было защитить гражданские свободы населения России, то Александр I, который, как известно, ценил абсолютную власть только как способ делать добро, несомненно, испробовал бы его. Но такова сила обстоятельств и побочных влияний, что он редко был способен довести до конца какие-либо даже незначительные реформы в своем государстве» [2].

Даже поворот Александра I от либеральных настроений начала его царствования к более консервативной политике не смог разрушить положительный образ монарха в глазах американского посла. Охранительный характер последних лет правления усопшего императора Миддлтон объясняет зловредным «иностранным наущением», заставившим его опасаться нововведений [там же]. Той же благосклонностью пользуется в глазах американского посла и новый монарх, Николай I, который, по словам дипломата, отказался выступать в роли «труса или тирана», каким его хотели бы многие видеть [там же], и продемонстрировал решимость продолжать реформы.

* * *

Подобный пессимизм в отношении возможностей перспектив российской модернизации можно было обнаружить и на страницах американских газет. «Смерть Александра была последним вздохом перед смертью надежд на цивилизацию», – отмечал автор заметки в «Найлз Уикли Реджистер». Подхватывая один из слухов, окружавших восстание декабристов, он продолжал: «Последние два года представители знати, за исключением тех, кто был в непосредственном фаворе двора, образовали союз, дабы принудить императора пойти на уступки для блага народа». Боясь вероятного политического поражения, император уехал в Таганрог, где скоропостижно скончался, смешав все планы заговорщиков [47], которых после открытия заговора ожидал арест и неминуемая расправа.

После публикации «Донесений Следственной комиссии» дискуссия о возможности модернизации продолжилась во многом через комментирование официальной позиции русских властей. Стоит напомнить, что правитель-

ство нового императора стремилось представить события на Сенатской площади как аномалию, акцию группы дворян-офицеров, не имевшую глубоких корней и связей в народе, а значит, отличную от европейских и южноамериканских революционных движений [22; 15, с. 165–167]. В этой связи важно отметить стремление российских властей сгладить возникшие из-за кризиса междоусарствия проблемы в высшем свете петербургского общества и сохранить легитимность нового правления как в глазах собственного дворянства, так и перед иностранными наблюдателями [23].

Это стремление особенно явно видно в обзоре 1830 г. «Америкэн Эннюал Реджистер», посвященном событиям в России за предыдущие несколько лет: «Вступление [Николая I] на престол было отмечено военным восстанием, которое было немедленно подавлено благодаря его личной энергии и присутствию духа, хотя оно и было связано с грозным заговором, организованным против его преемственника и жертвами которого должна была стать вся семья Романовых. <...> Победив мятежников из числа его армии, он проявил самое благородное из качеств – мягкость – по отношению к ним, а также показал свое отвращение к бессмысленному пролитию крови. “Они не сделают из меня ни тирана, ни труса”, – таким было достопамятное заявление, сопровождавшее помилование многих осужденных на смерть» [16, р. 279–280].

Эта характеристика почти дословно повторяет цитированные выше реляции Миддлтона из Санкт-Петербурга, не оставляя сомнений по поводу основного источника сведений о декабристах в Америке, коим являлось российское правительство.

Тем не менее следует сказать, что намерение убедить иностранную публику в случайности восстания вследствие заблуждений его участников и в справедливом милосердии по отношению к ним удалось лишь частично.

Автор заметки в «Нэшнл Интеллидженсер» отмечал, что организаторы восстания – офицеры и представители знати, «чьи варварские (*barbarous*) имена необязательно особо оговаривать», основали в 1817 г. секретное общество, чьей целью было «изменение существующих институтов (*institutions*) в империи». Мотивом, двигающим заговорщиками, стала «извращенно понятая (*ill understood*) любовь к стране». Само восстание (*eruption*) упоминается лишь вскользь, маркируя пренебрежительное отношение к нему автора заметки, не придающему ему большого значения. В заметке утверждается, что точность доклада комиссии не вызывает сомнений, так как «на всем ее протяжении ощущается сдержанность и беспристрастность». Тем не менее автор высказывает удивление по поводу того, что столько масштабная и амбициозная организация была обнаружена так поздно [41].

В другой заметке, написанной после публикации «Донесения», отмечается, что лидеры восстания обращались к опыту США и вдохновлялись примером Д. Вашингтона. «Не является ли это, – вопрошает автор, – примером

[положительного] влияния истории нашей революции и [текущего] состояния?» [54]. Тем не менее несмотря на явные признаки недовольства текущим положением общества, казнь и ссылку декабристов, «император Николай, надо полагать, пользуется популярностью среди своих *рабов*, и все выглядит спокойным», отмечает другой автор [53].

Как видно, попытка имперского правительства представить наказание декабристов милосердным была встречена с сарказмом: «Исходя из того, каким образом была произведена казнь, она представляется более мягким [приговором] в сравнении с ужасающим актом милосердия, которое обрекло преступников, закованных в кандалы, маршировать девятьсот английских миль [в Сибирь] и затем быть заживо погребенными... Каждый несчастный выживший мог бы, как нам кажется, горько и справедливо воскликнуть: “Счастлив, тот, кто умер!”» [51]. Этот пассаж, перепечатанный «Найлз Уикли Реджистер», сопровождался комментарием о том, что все сосланные в сибирские рудники в Нерчинске должны были и в самом деле пройти пешком весь путь до места, скованные одной цепью. Церемония гражданской смерти тоже была понята газетчиками буквально: как символическое погребение заживо внутри шахты [там же].

Вскоре до американской публики дошли относительно достоверные сведения о приговорах восставшим. По сообщению одной бостонской газеты, общее число осужденных достигло 118 человек. Пятеро из них должны были быть казнены четвертованием, 31 – обезглавлены, а остальные – осуждены на разные сроки сибирской ссылки, подвергнуты гражданской смерти или понижены в чине. В конце заметки указывается, что в итоге были повешены пятеро заговорщиков – те, кого должны были четвертовать [52]. Тем не менее хотя в общем и целом новости о наказании декабристов были переданы верно, имидж нового императора был серьезно испорчен.

Как и ранее Константину, да и России вообще, если вспомнить атлас Вудбриджа, Николаю I вменялся в вину воинственный характер. 2 декабря 1826 г. в газетах сообщалось, что Россия готовит кампании с Персией и Турцией для захвата Молдавии и Валахии. Автор заметки едко замечал, что «их завоевание сделает *дальнейшие* присоединения совершенно необходимыми! Как видится, главным принципом русских монархов стало приращение территорий к стране, а не улучшение того, что уже есть. Современное государство растянулось на площади около пяти миллионов квадратных миль, и все равно русским хочется еще больше земли!» [44]. Завершается заметка прогнозом: «Легко можно предположить, что подобное состояние вещей не продлится [вечно, и мы можем] предположить, что некоторые царства будут отколоты [spewed up] после революций, особенно если общество станет более образованным» [там же].

Судьба подобных революций, однако, вряд ли могла бы быть позитивной. В этой связи в «Найлз Уикли Реджистер» появилась небольшая заметка, где вспоминалось подавление восстания Т. Костюшко в 1794 г.: «Спустя 10 часов после известия о подавлении сопротивления [Варшавы] был отдан приказ поджечь город и убить всех мужчин, женщин и детей, которые попытаются убежать от пламени», – делится своими историческими познаниями автор статьи. И продолжает: «Девять тысяч человек было сожжено или зарезано, и русские “святые” пели *te Deums* по итогам резни, которую совершил по приказу варварского правительства его цепной пес Суворов. Турки никогда так далеко не заходили, а здесь христиане убивали христиан» [44].

Нельзя, однако, сказать, что мнение американских газет было целиком столь однозначно негативным по отношению к России. Довольно любопытным в этой связи, выглядят, например, статьи в «Чероки Феникс», первой газете, издававшейся с 1828 г. индейцами. Автор заметки «Распространенные заблуждения в отношении России» отмечал, что образ национального характера этой страны, в отличие от многих других, по большей части составляется именно на основе мифов, а не реальных фактов [17]. В другой же заметке отмечалось, что цивилизованные страны переоценивают воинственность русских и их жадность до завоеваний, заявляя, будто в последние годы ни одно из территориальных приобретений не было произведено без согласия других государств: «Что Россия приобрела со времен Екатерины? Где ее неимовверная сила проявила себя? Она получила часть Польши, потому что ее соседи дали разрешение. Она получила определенный кусок Швеции, потому что ее соседи не позаботились о нем. И она установит [флаг] с черным орлом на стены Константинополя, когда Англия разрешит. Но она же пока не разрешила, не так ли?» [18]. Иная тональность в отношении России объясняется тем, что «Чероки Феникс» должна было одновременно и показать широту взглядов, и отразить критическое отношение к политике притеснявшего индейцев правительства. Таким образом, газета оказывается защитницей России, противопоставляя себя изданиям, приближенным к Вашингтону.

* * *

Подводя итоги, следует отметить, что на рассуждения американских современников о декабристах и возможных последствиях их выступления влияли несколько дискурсов: ориенталистско-цивилизационный, ранжирующий народы по степени их просвещенности, и органично с ним связанный революционный, спекулирующий о перспективах повторения, восставших в 1820-х наций, пути Американской революции.

На конкретное восприятие восстания декабристов в США в первую очередь повлияли слухи, распространявшиеся после событий на Сенатской

площади сначала по Санкт-Петербургу, а затем и по всей Европе. Все эти разношерстные донесения из России были в какой-то мере упорядочены только после публикации перевода «Донесения Следственной комиссии» в начале сентября 1826 г. К работе Комиссии в некоторой степени был допущен американский посол в Санкт-Петербурге Генри Миддлтон. В переписке с собственным начальством он не мог обойти тему возможных изменений политического режима в стране после 14 декабря 1825 г.

Письма Миддлтону из российской столицы хотя и информируют о событиях на Сенатской площади и ходе расследования причин восстания, но имеют и другую цель – возобновление дискуссии о возможности модернизации России. При анализе этой проблемы американский посол предстает пессимистом, не верящим, что по крайней мере в ближайшем будущем «национальный характер» русских изменится. Высоко оценивая реформаторский вклад Александра I и надеясь на нового императора как продолжателя дела брата, «единственным европейцем» в России Миддлтон считает правительство.

По мере появления все новых официальных заявлений российских властей сведения и о причинах, и ходе восстания, а также о его последствиях становились все более достоверными. Тем не менее даже относительно милосердное обхождение нового императора с бунтовщиками не привело к какому-либо улучшению имиджа. Замена четвертования высылкой в Сибирь была воспринята как подтверждение бесчеловечности российской власти, обрекшей сотни людей благородного происхождения на медленную смерть в холодах бесконечной тайги. Общим местом рассуждений о перспективах правления Николая I становится предположение о возможности экспансии русского «медведя» на Запад. И хотя отдельные газеты предполагали, что подобные умозаключения чересчур гипотетичны, общий вывод был крайне пессимистичным.

Библиография

1. Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения, 1815–1832. М.: Наука, 1975. 626 с.
2. Бушкович П. Генри Миддлтон и восстание декабристов. Ч. 1–2 // Родина. 2015. № 615 (4). URL: <https://rg.ru/2015/04/21/rodina-middlton.html> (Дата обращения: 11.10.2017.)
3. Гордин С. Мятеж реформаторов: 14 декабря 1825 года. Л.: Лениздат, 1989. 400 с.
4. Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев. М.: Изд-во политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. 403 с.
5. Журавлева В.И. Изучение имагологии российско-американских отношений: Итоги и перспективы // Американский ежегодник. М.: Весь мир, 2010. С. 142–167.
6. Исэров А.А. США и борьба Латинской Америки за независимость 1815–1830. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. 480 с.
7. Исэров А.А. США и Панамский конгресс 1826 года // Американский ежегодник 2003. М.: Наука, 2005. С. 98–117.

8. Киянская О.И. Декабристы в отечественной истории и историографии: Полемиические заметки // Россия и современный мир. 2017. № 2 (95). С. 42–56.
9. Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1968. Т. 21. 671 с.
10. Междоусобие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л.: Госиздат, 1926. 246 с.
11. Нечкина М.В. Движение декабристов. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 2. 508 с.
12. Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
13. Парсамов В.С. Декабристы и Франция. М.: РГГУ, 2010. 440 с.
14. Саид Э.В. Ориентализм. СПб.: Русский мир, 2006. 640 с.
15. Хобсбаум Э. Век революций. Европа 1789–1848. Ростов н/Д.: Феникс, 1999. 480 с.
16. American Annual Register for the Years 1827. – 8–9. N.Y.: E. & W.G. Blunt, 1830. 622 p.
17. Cherokee Phoenix. 1828. Apr. 3.
18. Cherokee Phoenix. 1828. June 11.
19. Clay H. Emancipation of the South American States. In the House of Representatives, March 24, 1818 // Works of Henry Clay, Comprising his Life, Correspondence and Speeches. Vol. 5. N.Y.: Henry Clay Publishing Company, 1896. 659 p.
20. Dangerfield G. The Awakening of American Nationalism, 1815–1828. Prospect Heights, IL: Waveland Press, Inc., 1994. 332 p.
21. Engerman D.C. Modernization from the Other Shore. American Intellectuals and the Romance of Russian Development. Cambridge, MS: Harvard University Press, 2003. P. 22.
22. Galt A.H. The Good Cousins' Domain of Belonging: Tropes in Southern Italian Secret Society Symbol and Ritual, 1810–1821 // Man: New Series. 1994. Vol. 29. N 4. P. 785–807.
23. Lang D.M. The Decembrist Conspiracy Through British Eyes // American Slavic and East European Review. 1949. Vol. 8. N 4, Dec. P. 262–274.
24. Laserson M. Democracy as a Regulative Idea and as an Established Regime: The Democratic Tradition in Russia and Germany // Journal of the History of Ideas. 1947. Vol. 8. N 3. P. 342–362.
25. Little N. Transoceanic Radical: William Duane: National Identity and Empire, 1760–1835. London: Pickering & Chatto, 2008. 230 p.
26. Nagengast W.E. The Stalingrad of 1812: American Reaction toward Napoleon's Retreat from Russia // The Russian Review, 1949. Vol. 8. N 4. P. 302–315.
27. National Intelligencer. 1826. Apr. 25.
28. National Intelligencer. 1826. Feb. 11.
29. National Intelligencer. 1826. Feb. 16.
30. National Intelligencer. 1826. Feb. 21.
31. National Intelligencer. 1826. Feb. 25.
32. National Intelligencer. 1826. July 20.
33. National Intelligencer. 1826. June 15.
34. National Intelligencer. 1826. March 16.
35. National Intelligencer. 1826. March 4.
36. National Intelligencer. 1826. May 23.
37. National Intelligencer. 1826. May 23.
38. National Intelligencer. 1826. May 30.
39. National Intelligencer. 1826. May 30.
40. National Intelligencer. 1826. May 4.
41. National Intelligencer. 1826. Sep. 7.
42. Niles' Weekly Register. 1826. Apr. 15.

43. Niles' Weekly Register. 1826. Apr. 8.
44. Niles' Weekly Register. 1826. Dec. 2.
45. Niles' Weekly Register. 1826. Feb. 11.
46. Niles' Weekly Register. 1826. Feb. 25.
47. Niles' Weekly Register. 1826. June 3.
48. Niles' Weekly Register. 1826. March 11.
49. Niles' Weekly Register. 1826. March 18.
50. Niles' Weekly Register. 1826. May 6.
51. Niles' Weekly Register. 1826. Oct. 7.
52. Niles' Weekly Register. 1826. Oct. 14.
53. Niles' Weekly Register. 1826. Sep. 30.
54. Niles' Weekly Register. 1826. Sept. 16.
55. Raeff M. An American View of the Decembrist Revolt // *The Journal of Modern History*. 1953. Vol. 25. N 3 (Sep.). P. 286–293.
56. Repousis A. «The Cause of the Greeks»: Philadelphia and the Greek War for Independence, 1821–1828 // *The Pennsylvania Magazine of History and Biography*. 1999. Vol. CXXIII. N 4 (Oct.). P. 333–363.
57. Romani R. National Character and Public Spirit in Britain and France, 1750–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 348 p.
58. Sacred Name of Washington [pseud.] // *The United States Gazette*, 1823. Mar. 1.
59. Woodbridge W.C. A System of Universal Geography on the Principles of Comparison and Classification. 2nd ed. Hartford: Oliver D. Cooke & Co., 1827. 338 p.

References

- Bolhovitinov N.N. Russko-amerikanskije otnoshenija, 1815–1832. Moscow: Nauka, 1975. 626 p.
- Bushkovich P. Genri Middlton i vosstanie dekabristov. Ch. 1–2 // *Rodina*. 2015. N 615 (4). URL: <https://rg.ru/2015/04/21/rodina-middlton.html> (Data obrashhenija: 11.10.2017.)
- Gordin S. Mjatezh reformatorov: 14 dekabrja 1825 goda. L.: Lenizdat, 1989. 400 s.
- Druzhinin N.M. Dekabrist Nikita Murav'ev. M.: Izd-vo politkatorzhan i sssl'noselencev, 1933. 403 s.
- Zhuravleva V.I. Izuchenie imagologii rossijsko-amerikanskih otnoshenij: Itogi i perspektivy // *Amerikanskij ezhegodnik*. M.: Ves' mir, 2010. S. 142–167.
- Isjerov A.A. SShA i bor'ba Latinskoj Ameriki za nezavisimost' 1815–1830. M.: Russkij Fond Sodejstvija Obrazovaniju i Nauke, 2011. 480 s.
- Isjerov A.A. SShA i Panamskij kongress 1826 goda // *Amerikanskij Ezhegodnik* 2003. M.: Nauka, 2005. S. 98–117.
- Kiyanskaja O.I. Dekabristy v otechestvennoj istorii i istoriografii: Polemicheskie zametki // *Rossija i sovremennij mir*. 2017. N 2 (95). S. 42–56.
- Lenin V.I. Poln. sobr. soch. M.: Politizdat, 1968. T. 21. 671 s.
- Mezhducarstvie 1825 goda i vosstanie dekabristov v perepiske i memuarah chlenov carskoj sem'i. M.; L.: Gosizdat, 1926. 246 s.
- Nechkina M.V. Dvizhenie dekabristov. M.: Izd-vo AN SSSR, 1955. T. 2. 508 s.
- Nojmann I. Ispol'zovanie «Drugogo». Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskikh identichnostej. M.: Novoe izdatel'stvo, 2004. 336 s.
- Parsamov V.S. Dekabristy i Francija. M.: RGGU, 2010. 440 s.
- Said Je.V. Orientalizm. SPb.: Russkij mir. 2006. 640 s.

- Hobsbaum J. Vek revolucij. Evropa 1789–1848. Rostov n/D.: Feniks, 1999. 480 s. American Annual Register for the Years 1827. – 8–9. N.Y.: E. & W.G. Blunt, 1830. 622 p.
- Cherokee Phoenix. 1828. Apr. 3.
- Cherokee Phoenix. 1828. June 11.
- Clay H. Emancipation of the South American States. In the House of Representatives, March 24, 1818 // Works of Henry Clay, Comprising his Life, Correspondence and Speeches. Vol. 5. N.Y.: Henry Clay Publishing Company, 1896. 659 p.
- Dangerfield G. The Awakening of American Nationalism, 1815–1828. Prospect Heights, IL: Waveland Press, Inc., 1994. 332 p.
- Engerman D.C. Modernization from the Other Shore. American Intellectuals and the Romance of Russian Development. Cambridge, MS: Harvard University Press, 2003. P. 22.
- Galt A.H. The Good Cousins' Domain of Belonging: Tropes in Southern Italian Secret Society Symbol and Ritual, 1810–1821 // Man: New Series. 1994. Vol. 29. N 4. P. 785–807.
- Lang D.M. The Decembrist Conspiracy Through British Eyes // American Slavic and East European Review. 1949. Vol. 8. N 4, Dec. P. 262–274.
- Laserson M. Democracy as a Regulative Idea and as an Established Regime: The Democratic Tradition in Russia and Germany // Journal of the History of Ideas. 1947. Vol. 8. N 3. P. 342–362.
- Little N. Transoceanic Radical: William Duane: National Identity and Empire, 1760–1835. London: Pickering & Chatto, 2008. 230 p.
- Nagengast W.E. The Stalingrad of 1812: American Reaction toward Napoleon's Retreat from Russia // The Russian Review, 1949. Vol. 8. N 4. P. 302–315.
- National Intelligencer. 1826. Apr. 25.
- National Intelligencer. 1826. Feb. 11.
- National Intelligencer. 1826. Feb. 16.
- National Intelligencer. 1826. Feb. 21.
- National Intelligencer. 1826. Feb. 25.
- National Intelligencer. 1826. July 20.
- National Intelligencer. 1826. June 15.
- National Intelligencer. 1826. March 16.
- National Intelligencer. 1826. March 4.
- National Intelligencer. 1826. May 23.
- National Intelligencer. 1826. May 23.
- National Intelligencer. 1826. May 30.
- National Intelligencer. 1826. May 30.
- National Intelligencer. 1826. May 4.
- National Intelligencer. 1826. Sep. 7.
- Niles' Weekly Register. 1826. Apr. 15.
- Niles' Weekly Register. 1826. Apr. 8.
- Niles' Weekly Register. 1826. Dec. 2.
- Niles' Weekly Register. 1826. Feb. 11.
- Niles' Weekly Register. 1826. Feb. 25.
- Niles' Weekly Register. 1826. June 3.
- Niles' Weekly Register. 1826. March 11.
- Niles' Weekly Register. 1826. March 18.
- Niles' Weekly Register. 1826. May 6.
- Niles' Weekly Register. 1826. Oct. 7.
- Niles' Weekly Register. 1826. Oct. 14.
- Niles' Weekly Register. 1826. Sep. 30.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Niles' Weekly Register. 1826. Sept. 16.

Raeff M. An American View of the Decembrist Revolt // The Journal of Modern History. 1953. Vol. 25. N 3 (Sep.). P. 286–293.

Repousis A. «The Cause of the Greeks»: Philadelphia and the Greek War for Independence, 1821–1828 // The Pennsylvania Magazine of History and Biography. 1999. Vol. CXXIII. N 4 (Oct.). P. 333–363.

Romani R. National Character and Public Spirit in Britain and France, 1750–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 348 p.

Sacred Name of Washington [pseud.] // The United States Gazette, 1823. Mar. 1.

Woodbridge W.C. A System of Universal Geography on the Principles of Comparison and Classification. 2nd ed. Hartford: Oliver D. Cooke & Co., 1827. 338 p.